

Валерий Мильштейн г. Новосибирск

Шарик

«Ну-ка, скажите-ка мне, какой самый лучший на свете праздник? Думаете, Новый год? А вот и нет!» – размышляла Алиса, представляя, как задаст этот вопрос взрослым и как они все будут мучиться, не в силах правильно ответить на эту сложную загадку. «День рождения, вот какой! А знаете почему? Да потому что Новый год надо ещё ждать целых три месяца, а День рождения у меня уже сегодня...»

Но, как только стали приходиться гости, она тут же позабыла всё то, чем хотела озадачить взрослых, и, увлечённо рассматривая самые разные подарки, прислушивалась к тому, что происходит в прихожей... Не раздастся ли ещё один звонок в дверь? Не поздравит ли её кто-нибудь ещё? А потом произошло такое, что оставило у неё одно из самых ярких впечатлений сегодняшнего дня. Пришёл дед Валера, поднял её на руки, поздравил, пожелал, чтобы она всегда была такой же хорошей, послушной, умной девочкой, поцеловал, поставил на пол, а потом сказал:

– Алиса, а ты знаешь, что сегодня тебя хочет поздравить с Днём рождения Красная Шапочка? Давай откроем дверь, встанем на пороге и вместе громко позовём: «Красная Шапочка, иди к нам!»

– Настоящая Красная Шапочка? – удивилась Алиса...

– Конечно, настоящая, какая же ещё, ну, не нарисованная же...

Он открыл дверь в подъезд, сказал: «Начали!» – и они вместе крикнули, да так громко, что все, кто был рядом, повернулись к ним:

– Красная Шапочка, иди к нам!

В тот же миг снизу, с площадки третьего этажа послышались звуки какого-то движения. Алиса увидела, что по лестнице кто-то поднимается: в длинной до пят красной юбке, белой блузке, с большой корзиной, наполненной цветами и разными фруктами. Да, точно, это была Красная Шапочка, потому что на картинке в книжке, которую ей много раз читали, она была одета почти точно так же, как и сейчас. Вот только её лица Алиса никак не могла рассмотреть, потому что вместо шапочки на ней была красная шляпа с такими широкими полями, что за ними ничего не было видно. Алиса вместе с бабушкой отступили, чтобы пропустить её в дом, а она поставила свою корзину на пол в прихожей, повернулась к ним, выпрямилась, и только тогда сняла свою шляпу. Алиса вздрогнула от неожиданности, подняла руки, вытянулась стружкой и закричала громко-громко:

– Баба Лариса-а-а!.. Дед-а-а-а, это баба Лариса-а-а!

А потом Алиса никак не могла дожидаться, ну когда же взрослым надоест сидеть за праздничным столом, заставленным всякими вкусностями, и начнётся настоящее веселье. Она и все поздравления уже выслушала, и спасибо сказала, и сто раз со всеми поцеловалась, и задула четыре маленькие свечки на тортике.

Наконец все вышли из-за стола и веселье всё-таки началось. Сначала Алиса устроила для всех собравшихся концерт: пела, танцевала, рассказывала стихи и сказки. Потом водили хоровод, переиграли во все игры, и всё это продолжалось так долго, что даже Алиса, готовая заниматься всем этим бесконечно, немножко устала. Но подошло время, гости стали собираться и вышли в прихожую, чтобы обуться и одеться.

В этот День рождения мама купила четыре воздушных шарика, по числу испол-

нившихя Алисе лет, чтобы, когда гости начнут расходиться по домам и все выйдут на улицу, выпустить их в небо, похлопать в ладоши и посмотреть, как они полетят всё выше и выше. Шарики были красного, синего, зелёного и жёлтого цветов, но больше всех ей понравился жёлтый, потому что на нём была нарисована такая весёлая улыбка, что Алисе даже захотелось оставить его дома. Но потом она подумала, что за те несколько дней, пока шарики были вместе, они, наверное, привыкли друг к другу и навряд ли захотят расставаться: будут грустить, плакать, а ещё хуже, если жёлтый шарик совсем перестанет улыбаться. С этой мыслью она взяла все шарики за тонкие ниточки, к которым они были привязаны, чтобы никуда раньше времени не улетели, и побежала обуваться. Потом, опередив всех взрослых, сбегала с шарами вниз по лестнице, первой выскочила из подъезда на улицу, остановилась, ещё раз посмотрела на жёлтый шарик, и, как это часто бывает с детьми, в одно мгновение изменила своё первоначальное решение:

– А знаешь что? Пусть они летят, куда захотят, а ты с ними не улетай... Слышишь? Полетай-полетай и опять ко мне возвращайся... Ладно?

Только что прошёл дождь, и на всё небо растянулась радуга. Было так красиво, что гости некоторое время стояли как заворожённые и любовались чудесным явлением. Тишину прервала мама:

– Ну, давай, доченька, выпускай свои шарики.

Отпустив ниточки, Алиса сделала руками такое движение, словно подкидывает шарики вверх, будто от этого они взлетят ещё выше, и громко крикнула:

– Летите шарики, летите, высоко-высоко, до самой радуги!..

Она с улыбкой смотрела, как шары поднимаются всё выше и выше, вот уже поднялись до самой крыши соседней девятиэтажки, но в это время налетел неожиданный порыв ветра, шарики поменяли направление и скрылись за углом дома.

Взрослые разговаривали между собой о чём-то неинтересном, а Алиса стояла, запрокинув голову, и ждала, когда же жёлтый шарик налетается и вернётся. Она была

твёрдо уверена, что он обязательно возвратится, вот полетает-полетает и опять прилетит к ней. А как же иначе? Ведь подарили-то его ей? Значит, он был её шариком? Значит, должен её слушаться? Тем более что она его специально предупредила. Она подождала ещё немножко, шарик не возвращался. С надеждой смотрела Алиса в небо, а потом вдруг как-то сразу поняла, что шарик больше не прилетит, и, закрыв лицо ладошками, горько заплакала.

«Шарик улетел... Насовсем... Не послушался, не вернулся, и больше я его никогда не увижу...»

Продолжая плакать, Алиса не забывала внимательно прислушиваться к тому, что происходит вокруг, так как, несмотря на то что её детское горе было неподдельным, а слёзы – самыми настоящими, ей обязательно надо было знать, сильно её жалеют или не очень. На этот раз жалели девочку сильно, все старались успокоить, обнимали, целовали, и обещали что-нибудь купить: кто – новую игрушку, а кто – целых сто таких шариков. Но вот что странно, среди всех сочувствующих голосов своих родных, она ни разу не услышала голоса дедушки Валеры и даже подумала с недоумением: «Он что, меня больше не любит?» – и в ту же минуту услышала:

– Ну, разлета-а-а-лись, ну, разлета-а-а-ались, совсем никакого покоя не стало... А всё эта Смешинка... Прежде чем мешок высыпать, неплохо бы их правилам движения научить...

Алиса, раздвинув пальчики на ладошке, искоса взглянула на дедушку, а тот делал руками такие движения, будто в лицо летел тополиный пух и ему приходилось постоянно его смахивать.

Алиса была так удивлена, что слёзы быстро высохли сами собой, и отняв от лица ладошки, она заинтересованно спросила:

– Деда, а кто летает?

– Да... улыбки эти, носятся повсюду, всё ищут, на кого бы опуститься...

– Улыбки? Какие улыбки? А Смешинка – это кто?

– А разве ты никогда о ней не слышала? Неужели воспитатели в детском садике вам ни разу ничего о ней не рассказывали?

– Нет, ни разу не рассказывали...

Услышав это, дедушка всплеснул руками, поднял глаза к небу и, сделав такое лицо, будто у него потерялась любимая игрушка, стал восклицать:

– Как?! Как такое возможно?! Ох, не зря, совсем не зря я всегда настаивал, что школьное образование, впрочем, как и высшее, даёт неполные, пусть и системные, знания, которые к тому же всё время меняются в зависимости от новых научных открытий или постоянного отказа от старых. А теперь? Нет, ну вы слышали? Оказывается, и дошкольное воспитание хромает на ту же самую ногу! Ну скажите, разве может из ребёнка вырасти нормальный взрослый, если его с самого детства убеждают, что в окружающем мире существует лишь то, что можно увидеть физическим зрением? Так, может, приучив наших детей верить исключительно своим глазам, и ничему больше, им потом скажут, что в этом мире существуют только те сказки, которые мы сами и придумали?!

Все развеселились, а бабушка Лариса, отмахнувшись, сказала:

– Ну всё, снова на свой «конёк» сел, опять будет ребёнку своими сказками голову забивать.

Все стали прощаться и рассаживаться по машинам, только дедушка никуда не торопился, сказал бабуле, чтобы она ехала без него, и взял на руки расстроенную Алису.

– Хочешь услышать одну интересную историю про радугу, Смешинку и улыбки?

– Хочу-у-у, – ответила Алиса, продолжая тереть глаза кулачками.

– Ну вот сейчас придём домой, пойдём в твою комнату, и я тебе всё расскажу, с самого начала.

Они поднялись наверх, зашли в её спальню, уселись на разноцветном коврикe, и, обняв Алису, дедушка начал свой рассказ:

– Если после летнего дождя посмотреть на небо, можно увидеть разноцветную полосатую радугу. Все взрослые почему-то думают, что радуга – это просто атмосферное явление такое, и всё. На самом же деле радуга – это улыбка солнца. Когда грохочет гром и со всех сторон проносятся молнии, плачет оно, плачет проливным дождём, а потом гроза стихает, солнышко плакать перестаёт и улыбается. Просто мы смотрим

на радугу снизу, поэтому и видим какую-то дугу, а вот если бы посмотрели сверху, то что бы мы увидели?! Самую настоящую улыбку, да ещё и разноцветную. Радуга очень далеко от нас, поэтому мы не видим, чем занимается на самом её краешке краснощёкий старичок с умными и добрыми глазами. Серебряным молоточком он откалывает от радуги кусочки света и бросает их в мешок своей внучки Смешинки, где они тотчас превращаются в Улыбки. Когда мешок наполняется доверху, Смешинка, аккуратно поправляя юбочку, садится на проплывающее мимо облако и высыпает Улыбки на раскинувшийся внизу город.

Город был красивый, зелёный-презелёный, и был бы ещё краше, если бы не клубы чёрного дыма, валившие из труб его фабрик и заводов. На самом же деле это был вовсе и не дым, а длинная косматая борода завистливого Деда Дымового. Целый день он торчал у открытого окна и, распуская её по ветру, словно рыбацкую сеть, ловил лёгкие как пёрышки улыбки. Попав в эту цепкую, колючую бороду, бедные улыбки чуть ли не задыхались в ней и падали прямо в большую комнату, где Дед Дымовой сидел за толстой, плотно закрытой дверью с надписью «Директор». А он, довольно потирая руки, хватал их своими жадными пальцами и запирал в тесные ящики стоящего перед ним стола.

Но одна Улыбка, самая лёгкая и весёлая, как-то умудрилась проскользнуть между спутанными комками волос, спланировала на город и залетела в открытое окно комнаты, где мама ругала свою маленькую дочку за разбитую чашку. «Ой-ой, девочка вот-вот заплачет», – подумала Улыбка и быстро прикоснулась к маминому лицу. Мама вдруг замолчала, а девочка подняла глаза и воскликнула:

– Ой, мамочка! Какая ты у меня красивая!

Ничего не понимая, мама подбежала к зеркалу, взглянула на своё отражение и увидела себя весёлой, улыбающейся, и от этого... очень-очень красивой. Она перевела взгляд на дочку и увидела, что девочка совсем не виновата, а чашку разбила нечаянно, когда хотела помочь помыть посуду.

«Всё, здесь я уже не нужна...» – подумала Улыбка и полетела дальше.

За витриной большого гастронома шумела длинная очередь. Всем казалось, что продавец, женщина с усталыми глазами, отпускает товары слишком медленно. То и дело раздавались возмущённые голоса покупателей, а больше всех возмущался и негодовал дядя с таким большим портфелем: «Ну что это такое в самом-то деле... Стоим столько времени, а очередь ни с места... Понабрали тут всяких, а им и дела нет, что у людей, может быть, и поважнее дела есть, чем целый час тут выстаивать. Не хотят работать, и нечего с ними играть, подумаешь, какая цаца великая, уволить, да и все дела...»

Улыбочка послушала-послушала, да и села в самую гущу столпившихся у прилавка людей. И все вдруг увидели, что у женщины продавца болеет маленький сынишка, он всю ночь не спал, плакал, и она тоже не спала вместе с ним. Сразу стало тихо, а дядя с портфелем решительно шагнул вперёд, да так, что вся очередь перед ним расступилась, оказался у самого прилавка и, развернувшись, сказал:

– Нет, ну вы только посмотрите... Взрослые люди, а вести себя совсем не умеют! Такое впечатление, что ни учителя в школе, ни родители дома вообще воспитанием не занимались. Ведь должны бы понимать, что у людей могут быть разные обстоятельства. А то, посмотрите-ка, привыкли, чуть что – сразу шум поднимать. А где терпение? А где уважение к людям? А где, в конце концов, понимание? Вы что, со своими близкими так же себя ведёте? Нет, ну я поражаюсь, глядя на них, жизнь прожили, а ведут себя, как дети малые. Вы своих детей так же учите себя вести в общественных местах?! А ну-ка, чтоб полная тишина была... – и строго, как настоящий воспитатель в детском садике, добавил: – Я всё слышу!

Но люди перед прилавком и так уже затихли, а продавец посмотрела на всех с благодарностью и стала проворно делать кульки и взвешивать продукты.

«И здесь я уже не нужна...» – подумала Улыбочка и вылетела на улицу.

Долго летала Улыбочка по городу, и везде с её появлением люди начинали видеть всё не таким, как им только что казалось, а таким, как было на самом деле. Наконец она залетела в окно кабинета Деда Дымо-

вого. Он так обрадовался, что побросал все свои занятия, закричал «Стой!» и бросился её ловить.

Но она быстро скользнула у него перед глазами и прикоснулась к лицу. Он вдруг почувствовал, будто кто-то его легонько щекочет.

– Ха-ха... – засмеялся он тихо и неуверенно. – Ха-ха-ха... – залился он безудержным, весёлым смехом, потому что вспомнил, что точно так же его щекотали в детстве мама с папой. Он почувствовал себя молодым, здоровым и побежал выпустать улыбки. Они закружились весёлым хороводом, взлетели пёстрой стайкой над крышами и опустились вниз...

На злого паука, притаившегося в засаде, после чего тот натянул потуже свою паутину и пригласил мошкару покачаться на ней.

На строгого милиционера, когда он повёл мальчика к родителям за то, что тот бросил на газон конфетную обёртку. После чего милиционер сделал ему строгое внушение, сказал, чтобы больше такого не повторилось, и отпустил.

На шпиона, который вдруг увидел, как красив этот город (а ведь он только что собирался его взорвать) и как счастливы живущие в нём люди, сразу же побежал к мусорному баку, выбросил в него свою бомбу, и помчался сдаваться в милицию.

А одна упала на растрёпанную дворняжку, когда та, скаля острые зубы, уже догоняла испуганную кошку. Не понимая, что с ней такое случилось, дворняжка вначале села, потом встала на задние лапы, а передними провела по морде, будто пыталась что-то убрать. Не слыша шума погони, кошка остановилась, оглянулась и увидела, что собака смотрит на неё и улыбается. Она обрадовалась, заурчала, выгнула спину, и они стали бегать, прыгать и играть в догонялки.

А Дед Дымовой побежал в парикмахерскую, приветливо улыбнулся мастеру, попросил поскорее сбрить свою ужасную бороду и больше никогда не мешал людям города радоваться и улыбаться, кому сколько захочется.

Как-то поняв, что история закончилась, Алиса спросила:

– И вот так целый день Смешинка летает на облаке и высypает Улыбки?

– Нет конечно. Всё остальное время она занимается ещё одним очень-очень важным делом. Облако, на котором она летает, вдруг превращается в невысокую серебристую лесенку, она взбирается на самый верх, встречает и провожает летящие в небе самолёты, машет им вслед ручкой, и тогда происходит волшебство: самолёты прилетают на свой аэродром по расписанию, с ними не случается никаких аварий, и пассажирам можно не бояться, что в полёте закончится горючее, откажут моторы или при посадке поломаются колёса.

Алиса слушала дедушку с неподдельным интересом, но, как только он замолчал, опять вспомнила причину своих недавних слёз, и её губы плаксиво вздрогнули...

– Деда, а шарик?..

– Я думаю, что такой весёлый шарик, как твой, обязательно долетит до самой радуги, и, если Смешинка его увидит, они, конечно, подружатся, будут всегда вместе, и он станет помогать ей в этой удивительной работе. Ведь согласишься, это очень интересно – каждый день летать на облаке и рассыпать над городом Улыбки? Вот я, например, согласился бы всю жизнь провести за этим занятием.

Алиса представила, как она, болтая ножками, сидит на белом воздушном облаке, прижимая к себе мешок с Улыбками, и распевает весёлые песенки, и улыбнулась. Нет, всё-таки здорово, что шарик улетел... Вдруг он и вправду встретится со Смешинкой и всё будет так, как говорит дедушка? Вот только как бы это узнать, ведь шарик-то сейчас далеко на небе, а она здесь, дома, и сколько ни смотри на облака, всё равно ничего не разглядишь. Вот если бы она смогла оказаться поближе, подняться в воздух, так же, как шарик?! Но как? Это, конечно, можно сделать, но тогда надо куда-нибудь полететь на самолёте, и, когда он поднимется повыше, даже если в это время радуги не будет, внимательно смотреть на облака. Вдруг на одном из них она увидит Смешинку со своим шариком?!

Наступила зима, прошёл Новый год, Алиса часто вспоминала свой шарик, беспокоилась о нём, а когда наступили холода,

думала, как он там, не холодно ли ему, не замёрз ли. Хотя, наверное, рядом с солнцем стоит вечное лето?

И вот однажды, в конце февраля, случилось то, чего Алиса меньше всего ожидала. Мама вечером всегда возвращалась с работы в одно и то же время, забирала её из садика, и они вместе шли домой. Но в тот день, почти сразу после полдника, когда все дети увлечённо играли в «Море волнуется», воспитатель вошла в группу и громко сказала:

– Алиса Соболева, собирайся, за тобой мама пришла...

Удивлённая сверх всякой меры, Алиса торопливо выбежала в раздевалку, где ровными рядами стояли шкафчики с одеждой, схватила маму за руку, потянула к себе, так, что той пришлось наклониться, быстро поцеловала и спросила:

– А почему сегодня так рано?

– А потому, доченька, что у меня для тебя сюрприз есть.

– Какой сюрприз?

– Одевайся быстро-быстро, вот придём домой, и узнаешь, что за сюрприз...

Как только они вернулись домой, Алиса, едва переступила порог, скинула обувь и быстро сняла куртку, потом ухватила маму за руку, потянула за собой на кухню и, оставившись у обеденного стола, нетерпеливо воскликнула:

– Ну давай, скорее показывай сюрприз!

Мама расстегнула трескучую молнию на своей сумке и опустила в неё руку:

– Ну? Готова? Тогда закрой глаза.

Алиса крепко зажмурилась в ожидании чего-то чудесного и необыкновенного и через пару секунд услышала:

– Всё! Можно открыть...

Теперь сумка стояла на столе, а рядом лежали два листка плотной бумаги, похожие на разноцветные, согнутые пополам открытки, с одинаковым рисунком. Она взяла одну и стала внимательно разглядывать. На картинке был изображён летящий в небе зелёный самолёт с множеством маленьких окошечек для пассажиров и надписью «S7» на борту. А внизу – береговая линия из белого песка и голубого пенистого моря. Чуть поодаль ровными рядами стояли раскидистые зелёные пальмы со смешными обезьянками, что прятались от яркого солн-

ца под большими широкими листьями. Она раскрыла сложенную открытку, и из неё выпал белый листок, весь испещрённый какими-то непонятными значками и цифрами.

– А это что?

– Это путёвки, в Таиланд...

– Путёвки? А зачем?

– А затем, что маме неожиданно дали отпуск... Мы поедem в аэропорт, отдадим эти путёвки тётe в синей форме, нас пропустят в этот самый самолёт, как на картинке, и мы с тобой полетим далеко-далеко, вот на этот пляж, и будем целых две недели загорать, бегать по белому песку и купаться в тёплом море. Здорово?

Некоторое время Алиса стояла, пытаясь осознать услышанное, а потом её сердце наполнилось такой радостью, что, положив путёвку на место, она раскинула руки, обняла маму и прижалась к ней крепко-крепко. Мама гладила её по головке, заглядывала в счастливые глаза своей дочки, а Алиса стояла и думала совсем не о море, не о белом песке и не об этих двух неделях удивительного отдыха на пальмовом берегу... потому что всю эту сказочную картину заслоняла совсем другая, пришедшая только что в голову мысль. Ведь они полетят на самолёте, высоко-высоко, и где-нибудь там, среди белых облаков, она увидит свой шарик!

– А скоро мы полетим? – спросила Алиса и в нетерпении запрыгала на одной ножке.

– Не волнуйся, очень скоро, прямо завтра после обеда, потому что у нас «горящие» путёвки, они не продаются заранее, а только перед самым вылетом.

– А если не перед самым вылетом, они тогда что, сгорят?

– Сгорят...

– Они что, волшебные? – спросила Алиса, прикоснувшись к разноцветным открыткам и подумала: пройдёт всего один день, и, если никто никуда не полетит, они по-настоящему загорятся. Представила, как красно-жёлтый огонёк бежит по плотной бумаге, как потрескивают и обугливаются края, и быстро отдёгнула руку, настолько яркой и настоящей была нарисованная её живым детским воображением картина.

– Волшебные... Алисочка, беги, переодевайся, вымой руки, а я кушать приготовлю и начнём с тобой собираться.

«Конечно, волшебные... – думала Алиса, – ...а как же иначе?! В точности, как волшебная палочка, которая исполняет все желания. Хотела же увидеть свой шарик? Вот волшебные путёвки всё так и сделали, как я хотела...»

В это время мама взяла свой телефон и, включив громкую связь, стала звонить дедушке, чтобы рассказать чудесную новость. Алиса слышала, как дедушка удивился и обрадовался, а потом стал расспрашивать:

– Так у вас транзит? С пересадкой в Москве? Вот и отлично, а мне как раз в издательство надо. Значит, до Москвы вместе полетим, только бы билеты остались. Какой номер рейса? Сейчас буду в кассу звонить...

Через некоторое время он перезвонил, чтобы сообщить о том, что билеты нашлись, и Алиса обрадовалась ещё сильнее. Как всё-таки здорово, что дедушка полетит вместе с ними! Ведь они увидят шарик, увидят Смешинку и вместе порадуются тому, что всё так хорошо получилось.

В эту ночь Алиса долго не могла уснуть, представляя, как встретится со своим шариком и как он обрадуется, а потом ей до самого утра снился сон о голубом небе, белых облаках и маленькой девочке в красном сарафане. На следующий день она всё время торопила маму, боясь опоздать в аэропорт, и немного успокоилась лишь в тот момент, когда длинный широкий автобус, развозящий пассажиров по аэродрому, остановился у белоснежного трапа. Самолёт был в точности таким, как на картинке, зелёный, с надписью «S7» на борту, и, сидя на руках у дедушки, который в это время поднимался по пологим ступенькам, Алиса с улыбкой смотрела в солнечное небо и без конца повторяла про себя: «Шарик, я лечу к тебе!!!»

Они устроились все вместе, в одном ряду, Алиса – рядом с иллюминатором, чтобы было лучше видно, мама – посередине, дедушка – у прохода. Мама сразу открыла свой ноутбук, а дедушка, видя нетерпение Алисы, обо всем догадываясь, был сосредоточен, и время от времени озабоченно поглядывал на свою внучку. А она, нетерпеливо ёрзая в кресле, едва дождалась, пока тётя стюардесса закончит рассказывать, как

надо вести себя в полёте, что при взлёте и посадке надо быть пристёгнутым к креслу, нельзя вставать с места, и много чего ещё.

Наконец самолёт медленно тронулся, развернулся, стал разгоняться всё быстрее и быстрее и с натужным звуком моторов оторвался от земли. Он поднимался всё выше и выше, вот уже и дома стали похожи на детские кубики, а вокруг, насколько хватало глаз, раскинулось целое поле белых облаков. И, прижавшись лицом к прозрачному пластику, Алиса во все глаза смотрела в иллюминатор в ожидании чудесной встречи, о которой мечтала так долго. Прошло полчаса, прошёл час, а ничего не происходило, и постепенно в её голову стала закрадываться мысль, а может быть, её просто-напросто обманули, чтобы тогда, в День рождения, она перестала плакать?! Взрослые всегда так делают, тем более что за свою короткую жизнь она уже несколько раз наблюдала, как, считая её маленькой и ничего не понимающей девочкой, они проделывали что-то похожее. Но самым неприятным было то, что теперь во всём этом участвовал ещё и дедушка, а ведь она так привыкла всегда верить каждому его слову.

В это время самолёт вошёл в сплошную полосу тумана и всё за окном превратилось в белый клубящийся дым, за которым уже ничего нельзя было рассмотреть: ни голубого неба, ни жёлто-красного солнца. Алиса оторвалась от иллюминатора, с осуждением посмотрела на дедушку и отвернулась так демонстративно, что тому всё стало ясно без слов. Он сидел, впервые не зная, что сказать и что сделать, думал о величайшей ответственности взрослых перед детьми, когда каждое произнесённое слово обязательно оставляет свой след в невинных, ничем не защищённых душах.

«Наши мечты... мечты наших детей... Мы воплощаем их в нужные слова и красивые истории и, глядя в счастливые глаза ребёнка, радуемся вместе с ним, забывая о последствиях, которое несёт возможное разочарование. Если бы не эти путёвки, не этот неожиданный полет... Но... всё-таки, всё-таки... Как было бы здорово, если бы оказалось, что ни одному фантасту, ни од-

ному сказочнику или просто фантазёру, или даже обыкновенному выдумщику, в голову не может прийти ничего такого, чего бы реально не существовало в одной из пространственных либо временных точек мироздания... Как было бы здорово, если бы сейчас маленькая девочка в красном сарафане, с соломенными волосами и с жёлтым улыбающимся шариком в руке помахала бы вслед нашему самолёту...»

С этой мыслью он прикрыл глаза и задремал, чтобы снова вернуться в свой непрерывный сон о прекрасном мире, где никто не плачет, где нет одиноких сердец, где люди не обманывают друг друга, а у каждого ребёнка есть мама и папа.

Самолёт наконец-то вырвался из сплошной пелены тумана, и солнце брызнуло в салон так ярко, что все пассажиры прикрыли иллюминаторы пластиковыми шторками, и никто не увидел, как одно из облаков, мимо которого они сейчас пролетали, уплотнилось и сформировалось в лёгкую серебристую лесенку, по которой торопливо взбежала на самый верх и остановилась там, переводя дух, маленькая девочка в красном сарафане, с соломенными волосами и жёлтым улыбающимся шариком в руке.

«У-ф-ф, успела... Надо же, чуть было совсем не опоздала... А всё этот шарик... Всё ему нипочём, целый день веселится да придумывает разные шалости. Совсем не понимает, какая важная у меня работа. И вот сегодня! Только набрала полный мешок Улыбок, только хотела высыпать на город, а оказалось, что он взял да и завязал незаметно мешок своей верёвочкой, да так крепко, что пришлось ой как потрудиться, чтобы мешок развязать, Улыбки высыпать, да ещё и успеть к пролетающему самолёту. А ему хоть бы что, летает вокруг и хихикает во всю свою нарисованную улыбку. Вот точно, не возьму его завтра с собой...» – решила она, забыв, что такое обещание давала себе каждый день, но так ни разу его и не выполнила.

И, вытянувшись стрункой, подняв шарик повыше, она стала махать ручкой вслед быстро удаляющемуся зелёному самолёту с цифрой «7» на борту, зная наверняка, что теперь за весь длинный рейс с ним точно никакой беды не случится.